

Восток – Запад

Алексей Анастасьев

Разговор с Океаном Мудрости, или Так говорит Далай-лама*

Когда сентябрьским вечером 1938 года в небольшой крестьянский дом на окраине восточно-тибетской деревни Тактсер постучала и попросилась переночевать группа монахов, ни хозяева этого дома, ни сами монахи, пришедшие искать нового Великого Учителя, ни какой-нибудь смелый предсказатель не могли еще вообразить удивительной судьбы мальчика, который родился здесь тремя годами ранее. Тем более никто не мог предвидеть, как его действия и мнения изменят жизнь сотен тысяч людей, заставив их удалиться за ним в изгнание.

Его Святейшество Тэнгьцин Гьятсо, четырнадцатый Далай-лама (в переводе – «Океан Мудрости», или, точнее, «Учитель-Океан») на своем теперь уже семидесятипятилетнем веку успел побывать и простым учеником-монахом, и абсолютным монархом теократической державы, и одним из руководителей Тибетского автономного округа в составе КНР, и беженцем-«сепаратистом», объявленным китайскими властями вне закона. Он стал первым из высших буддистских иерархов, объездившим чуть ли не весь мир. И наконец, прожив уже почти столетия не в священной Лхасе, где искони находилась резиденция Далай-ламы, а в городе Дхарамсале, любезно подаренном святейшему политэмигранту Джавахарлалом Неру, этот веселый старик остается непрекращаемым авторитетом для всех своих соотечественников по обе стороны границы. В прошлом году исполнилось 75 лет с начала его земной жизни в данной инкарнации и 60 лет – со времени вступления на священный престол. Незадолго до этого по юбилейному случаю он удостоил меня беседой, которая имела место в цитадели тибетского буддизма, заоблачной (в прямом смысле) Дхарамсале.

---

* Публикуется по материалам журнала «Вокруг Света».

— Я всю жизнь думал: что необходимо для счастья? И пришел к выводу: только без свободы нельзя обойтись. Все остальное – вторично, даже вера. Конечно, религиозное чувство несказанно обогащает всех нас, но если его в чьей-то душе нет, само по себе это еще не отлучает человека от истинных ценностей. Автоматически это не делает его злым и жестоким. Я бы даже сказал, что много хуже быть «поверхностно религиозным», следовать некоему вероучению, не вдумываясь в него, напоказ или для самоуспокоения, а искренней внутренней нужды в нем не испытывать. Если ты связал жизнь со священной традицией, то должен относиться к ней сверхсерьезно. Исполнять все требования, которые она налагает. Понимать, что речь идет о главном выборе в жизни. Формальное отправление обрядов – даже не бессмыслица, а профанация, которая к тому же приучает к лицемерию. Не лучше ли просто находить в своем сердце все самое доброе, светлое – и делиться им с окружающими. Ручаюсь: поступая так, человек в любом случае останется человеком. А воровать можно во что угодно...

– Но, чтобы находить общий язык, должны же у людей быть какие-то постоянные величины, категории, с которыми «все согласны». Я думал, их формирует религия.

– Сострадание. Чистосердечие. Верность истине. Они стоят надо всем. Существование высоких духом людей разных вероисповеданий, и даже атеистов – лучшее тому доказательство. Я буддист, но это значит лишь, что к великим категориям я восхожу через Будду-дхарму. Путем Будды.

– И этого достаточно, чтобы быть буддистом? Разве не требуется разделять некие специфические взгляды, доктрины, признавать авторитеты? Например, в вашем собственном лице не обязаны ли буддисты почитать вас как верховного пастыря и учителя?

– Никто ничего не обязан делать. Для кого-то я святое существо, а для кого-то просто один из братьев. Мне самому важно чувствовать себя обычным монахом и поступать соответственно.

– А что конкретно это значит для вас?

– Стараться приносить пользу людям. Следить, чтобы и в помыслах у меня не было причинить вред живому существу, на какой бы ступени развития оно ни находилось. Не позволять уму лениться. В общем, всегда находиться на своем маленьком месте в огромном мире и молиться, чтобы все другие желали того же. Совокупность точно и хорошо исполненных судеб – это и есть гармония. У всякого своя задача.

– Стало быть, общего для всех образца праведной жизни не существует? Нельзя, например, утверждать, что, если б все вели себя как добрые буддистские монахи, человечество достигло бы идеала?

– Если бы все вели себя как буддистские монахи, человечество вымерло бы. Мы ведь даем обет безбрачия... Нет, поиск истины во внешних образах для подражания почти всегда бесплоден.

– А ведь все мы, нравится нам это или нет, идем к унификации, глобализации. Даже от высших иерархов западных церквей можно услышать, что на самом деле в мире есть только одна религия, которую народы лишь по-разному исповедуют.

– Суть каждой веры уникальна. Конечно, как я уже сказал, все «нормальные» доктрины призывают к состраданию, к готовности прощать, терпимости, самодисциплине. Все они желают своим adeptам душевной умиротворенности. Посудите сами – нас на свете уже больше семи миллиардов. Большая часть так или иначе верует. А это подразумевает сумму миллионов духовных опытов. Каждый религиозный человек с ранних лет видел священные изображения своей веры, усваивал свою систему общения с Богом. У каждого сложились собственные, невыразимо интимные отношения с высшими силами – в себе и вовне. Мыслимо ли, чтобы весь этот грандиозный энергетический поток вел к единственному источнику? Мыслимо ли все эти глубокие убеждения отредактировать, сделав из них одно? Нет, и это, как и в случае с индивидуальными судьбами, – к лучшему. Пусть к Божественному свету ведет сто дорог, пусть они встречаются лишь там, в точке, не доступной простому сознанию.

Вообще, вы знаете, я думаю, что тезис о слиянии всех религий – недоразумение. Это мир у нас общий, а не способы его познания и не верования. Все мы смотрим на него сквозь разные окна. Пытаемся сыграть одну и ту же мелодию, но в разных тональностях.

– А какая тональность подходит буддизму? Говорят, например, что это – самая веселая из религий? Вот вы сами – веселый человек?

– (Смеется.) Не знаю. Полагаю, что веселье не имеет отношения к тональности. Оно проистекает из хорошего душевного самочувствия, а его способен обрести любой верующий, каково бы образа веры он ни придерживался. Кто в ладу с собой, тому нечего печалиться. Среди моих друзей есть мусульмане, христиане (в том числе православные – русские и греки), которые просто светятся радостью. А встречал я и унылых буддистов...

Хотя в чем-то вы, наверно, правы: наше учение помогает сохранять бодрость духа. Мне

в жизни часто приходилось «очаровываться» и разочаровываться. Скажем, после того как войска, посланные из Пекина, заняли Тибет, я девять лет провел в тесном общении с китайскими братьями и сестрами. Пытался в чем-то их убедить, рассчитывал на их добрую волю. Неоднократно встречался с Мао Цзэдуном и всякий раз уходил от него, полный доверия и надежд. Даже еще 19 марта 1959 года, ложась спать у себя в Лхасе, я старался думать, что завтра все будет хорошо, хотя на самом деле завтра принесло бомбардировки и кровопролитие.

Бывало от чего прийти в отчаяние – когда пришлось переодеться собственным слугой и на лошади, а потом пешком добираться до индийской границы. Когда, скрываясь в доме одного из братьев в южном Тибете, я слушал по радио о разрушении монастырей и казнях монахов... Было много печального. Тем не менее мне, хочу верить, удавалось всегда оставаться по-буддистски настроенным на лучшее. Один из классических риторических вопросов нашей религии – что толку горевать?

– *Значит, стоит сохранять оптимизм в любом жизненном положении, что бы ни случилось? Даже в горе уповать на чудо?*

– Полагаю, что уповать надо на свои силы, а в чудеса я вообще не верю.

– *Вот как? Буддисты, люди по определению религиозные, отрицают категорию чудесного?*

– В материальном мире – безусловно. Иное дело, что жизнь полна загадочного, то есть такого, что либо еще не объяснено вовсе, либо представляется простым людям невероятным и достойным удивления. Ведь та сфера сущего, которую мы можем непосредственно познать органами чувств, крайне мала. Тонких, невидимых глазу связей и систем – в мириады раз больше. Представим себе дерево: на первый взгляд оно твердое, имеет кору и листья, вот и все. С другой стороны, оно состоит из молекул, находящихся в постоянном движении, – где же тут твердость? Это противоречие легко разрешит всякий, кто знаком с химией, с устройством древесной или любой другой ткани, имеет микроскоп и прочие приборы, а главное – пытливым умом. То же, кстати, и с телами наших праведных монахов. Они столетиями избегают тлена – как, почему? Мы считаем, что благодаря сложнейшему, интересному и не изведанному еще до конца процессу. В результате его накопленная за годы медитаций и духовных практик внутренняя энергия претворяется в некие более активные формы и спасает охваченные ею клетки от умирания.

– *Ваше Святейшество рассуждает скорее как человек науки, чем как духовный лидер.*

– Вероятно. Но у буддистов с древних пор принято считать, что наука и религия имеют много общего. Все в мире взаимосвязано – это знают и наши монахи, и западные ученые, которым, как они сами признаются, буддистский опыт, традиции и доктрины часто помогают. Передовые психология и медицина, например, заняты сейчас пристальным изучением деятельности мозга и связанного с ней эмоционального поведения человека – и в этой области нам есть чем поделиться с учеными. Во многих американских учебных заведениях теперь даже преподают медитацию как сугубо научную дисциплину. Да и, например, на Шри-Ланке, в университетах она изучается как обычный предмет.

– *Получается, что современный буддизм пропагандирует себя за рубежом с университетских кафедр?*

– Ни в коем случае. Нашей философии чужда идея миссионерства. Одна из главных буддистских заповедей гласит: никто не должен учить и проповедовать, пока его не спросили о его убеждениях. Уважать и поддерживать чужие традиции, если вздумается, – всегда в твоих собственных интересах, ведь для тебя появляется дополнительный источник знания. Читая лекции на Западе – в США ли, в Западной Европе или России, – я всегда подчеркиваю одну мысль: для каждого человека, общины или народа практичней и безопасней твердо придерживаться собственного, природного, кристаллизованного веками образа жизни и веры. Искусственный же переход к любому другому зачастую связан не с религиозными причинами, а скорее с модой, духом противоречия, бунтарским запалом... В буддизм так переходить нельзя – он устремлен к нравственной гармонии и чужд всяким сиюминутным шатаниям. Оставайтесь теми, кем вы выросли и вступили в сознательный возраст, – и прислушивайтесь при этом к любым чужим мнениям. Гасите в себе раздражение по отношению к ним, и тогда вы сможете взять что-то полезное даже от диаметрально противоположной и неприятной вам позиции.

– *Итак, непреодолимых препятствий для диалога вообще не бывает? И даже, к примеру, глубоко верующий человек может договориться с принципиально неверующим?*

– Да. Я встречал среди неверующих добрых людей и интересных собеседников. Один из них, помнится, даже высказал проницательную мысль относительно буддизма. Он заметил, что это – вообще не религия.

– *А что же?*

– Здравый смысл.